

1581—1981
400-летию вхождения Сибири
в состав государства Российского
посвящается

Российское могущество прирастать будет
Сибирью и Северным океаном.

М. В. Ломоносов

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XXIV

СТРАНЫ И НАРОДЫ
БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982

І. ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ПУТЕШЕСТВИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ

Н. Н. Степанов

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ НА КАМЧАТКЕ

(Исторические предания в труде С. П. Крашенинникова
«Описание земли Камчатки»)

«Описание земли Камчатки» — классический труд русской науки XVIII в., образец комплексного страноведческого исследования, включающего в себя изучение географических условий, растительного и животного мира, а также населения, его быта, культуры и истории. В нем использованы самые разнородные источники, включая фольклорные, и в их числе исторические предания, бытовые рассказы и «слухи». Советский исследователь Г. Бомштейн свою статью «Фольклорные материалы в работе С. П. Крашенинникова „Описание земли Камчатки“» посвящает рассмотрению в этом труде фольклорных данных, полученных у коренных народностей Камчатки (итильменов и коряков) [15].

Однако русские фольклорные материалы, бывшие предметом не меньшего внимания Крашенинникова, нежели туземные, не были исследованы Бомштейном. В данной статье автор и ставит своей задачей раскрыть эту тему, представляющую значительный интерес для изучения истории русского населения на Камчатке. В частности, автор анализирует исторические предания, записанные Крашенинниковым, о первом русском человеке на Камчатке — Федоте Алексееве. Эти предания вызывают в советской науке самые различные толкования.

Уезжая из Якутска на Камчатку 5 июля 1737 г., Крашенинников получил от своих руководителей, академиков И. Г. Гмелина и Г. Ф. Миллера, подробную инструкцию (из 89 параграфов) [4а, разр. 1, оп. 13, № 11, л. 57—93 об.]. Кроме того, Крашенинникову была вручена небольшая рукописная (на немецком языке) работа Миллера «География и нынешнее состояние

земли Камчатки», имевшая подзаголовок «Собрание из разных письменных и словесных известий в Якуцке в 1737 году», которая должна была познакомить его с тем, что было известно в то время о Камчатке [4а, разр. 1, оп. 13, № 17, л. 94—133]¹. Согласно параграфу 48, Крашенинников должен был узнать, «какой есть слух о Федотове сыне, которой за много лет до Володимера Атласова на Камчатке жил». Миллер же в своей записке сообщал сведения, циркулировавшие в Якутске о первых русских людях на Камчатке: «...впала... в Камчатку речка Никул, она же и Федотиха. Сия речка знатна есть по первым русским жителям сей земли, которые как в истории объявится из устья Лены реки на море вышли, и погодою занесенные за много лет до российского овладения сей земли на Камчатку пришли, и на устье помянутой речки, которая от главнейшего из них и русское звание получила, поселились» [4а, разр. 1, оп. 13, № 11, л. 96].

Как же протекала работа по выяснению «слухов» о первых русских людях на Камчатке?

17 ноября 1737 г. Крашенинников потребовал от Большерецкой приказной избы присылки к нему старожилов, «как из русских, так и из иноземцев». Сведения, которые он получил от служилого Михаила Кобычева и от «других старожилов» и «иноземцев», были положены в основу первого исторического очерка о Камчатке, доведенного до 1724 г. включительно и названного им «О завоевании Камчатской землицы, о бывших в разные времена от иноземцев изменах и о бунтах служивых людей» [4а, ф. 21, оп. 5, № 60, л. 32об.—40]².

Зимой 1737/38 г. Крашенинников помимо расспросов служилых людей и «иноземцев» «упражнялся» и в «пересматривании старинных дел» Большерецкого острога. Однако «пересматривание старинных дел» мало что дало Крашенинникову, и, покидая Большерецкий острог и направляясь в Верхнекамчатский, он ехал с надеждой использовать архив острога, так как «там острог негромленной, и архива может быть от начала онго имеется» [4а, ф. 21, оп. 5, № 34, л. 75; см. также 46, с. 88—89]. Из этого можно заключить, что архив Большерецкой приказной избы не имел дел по ранней истории острога и края и содержал только более поздние документы, в которых не могло быть сведений о первых русских поселенцах на Камчатке.

Таким образом, сообщение о первом русском человеке на Камчатке, Федоте, в первом историческом очерке Крашенинникова целиком было основано на «словесных известиях». «Прежде завоевания Камчатской землицы,— пишет Крашенинников,— сперва бывал в оной землецы промышленной человек Федот кочевщик в 17 человеках, которой из устья ленского пошел с

¹ Для С. П. Крашенинникова ее перевел переводчик Академии наук И. Яхонтов.

² Опубликовано в [24].

промышленным же Фомою называемом в 7 кочах; из оных кочей два пришли в устье Анадыря реки, под командою Фомы промышленного, и поселились в Анадырском остроге, которой в то время еще вновь заводился, а третьей коч, на котором Федот был, обошед Чюкоцкой нос, пришел в устье Камчатки реки и на оной реке вверх дошел до впадающей в нее по течению с правой стороны Иколки речки, которая имеется верстах в 50 ниже Верхнего острога, а остальные 4 коча без вести пропали. На устье помянутой Иколки Федот с товарищи, поставя зимовье, зимовал, а весною на том же коче из устья Камчатки реки в море вышел и, обошед Курильскую лопатку, шел по Пенжинскому морю до Пареня, где он с товарищи зазимовал, и той зимы от брата своего за ясырку зарезан, а потом и все от коряк побиты» [24, с. 740].

В Верхнекамчатском остроге Крашенинников в декабре 1738 и январе 1739 г. «пересматривал старинные дела», а также «выспрашивал у старожилов Ивана Лосева с товарищи о завоевании Камчатки, о построении острогов и о бытности прикащиков» [24, с. 58]. Сведения, полученные им из этих источников, были положены в основу второй редакции его исторического очерка, сохранившего прежнее название [24, с. 749—767]. Вторая редакция значительно полнее первой и доведена до 1731 г. Однако текст о Федоте кочевщике остался почти без изменений. Речка Иколка называется в верхнекамской редакции речкой Никул, и помещается она не «верстах в 50 ниже Верхнего острога», а «верстах в 100 ниже Верхнего острогу». Безусловно, речь идет об одной и той же речке. В верхнекамчатской редакции снят текст «обошед Чюкоцкой нос». О речке Никул добавлено существенное указание: «и ныне Федотовщиною называется». Вместо «поставя зимовье, зимовал» большеерцкой редакции в верхнекамчатской редакции кратко указано: «зимовал»³.

Дальнейшая работа Крашенинникова над историей Камчатки протекала уже в Петербурге, во время создания его капитального труда «Описание земли Камчатки». В рапорте в канцелярию Академии наук в сентябре 1752 г. Крашенинников запрашивает «документы из Якутской архивы», т. е. якутские копиянные книги Миллера, необходимые ему для окончания четвертой части «Описания земли Камчатки», озаглавленной «О покорении Камчатки, о бывших в разные времена бунтах и изменах и о нынешнем состоянии российских острогов». Крашенинников писал при этом, что «ежели без потребных доказательств отдать печатать четвертую часть так, как она сочинена по словесным известиям, то в годах будут великие ошибки, а в важных и достойных памяти обстоятельствах крайний недо-

³ Подробнее о большеерцкой и верхнекамчатской редакциях исторического очерка С. П. Крашенинникова см. [46, с. 87—102].

статок, а следовательно, вся книга в исправности сама с собою не согласна» [4а, ф. 3, оп. 1, № 151, л. 38, 38об.; см. также 1, с. 49; 46, с. 101—102].

В копиях книг Миллера Крашенинников ознакомился с документами о плавании Дежнева, в которых он обнаружил и упоминание участника его похода — Федота Алексеева, о чем сохранились не изданные еще черновые записки Крашенинникова⁴. Он и отождествил его с «Федотом кочевщиком» из преданий, распространенных на Камчатке. Документы якутских книг не содержали, однако, данных о плавании Федота Алексеева на Камчатку, и осторожный в выводах Крашенинников писал в «Описании земли Камчатки»: «Но кто первой из российских людей был на Камчатке, о том не имею достоверного свидетельства; а по словесным известиям приписывается сие некакому торговому человеку Федоту Алексееву, по которого имени впадающая в Камчатку Никул речка Федотовщиною называется» [24, с. 473].

Далее он излагает сведения «словесных известий» исторических очерков, написанных на Камчатке. Есть и расхождения, довольно существенные. Если в камчатских очерках Федот Алексеев «обошел Курильскую лопатку, шел по Пенжинскому морю до реки Парень», т. е. доплыл до п-ова Тайгонос, где протекала эта река, и таким образом обогнул все западное побережье Камчатки, то в «Описании земли Камчатки» он «дошел Пенжинским морем до реки Тигиля», т. е. не покидал Камчатки.

Иначе рассказываются и обстоятельства смерти Федота Алексеева. Если в камчатских работах он «от брата своего за ясырку зарезан», то в «Описании земли Камчатки» он на р. Тигиле «от тамошних коряк убит зимою со всеми товарищи, к которому убийству аки бы они причину сами подали, когда один из них другого зарезал; ибо коряки, которые по огненному их оружию выше смертных почитали, видя, что и они умирать могут, не пожелали иметь у себя гостей толь страшных» [24, с. 474, 749].

Откуда взяты Крашенинниковым эти новые данные? В якутских копиях книг Миллера их нет. Остается предположить, что Крашенинников или вывез с Камчатки какие-то заметки, не дошедшие до нас, из которых позднее почерпнул некоторые сведения, или же держал в памяти ряд данных, получив их, возможно, от камчатских старожиллов позднее — уже после составления обеих редакций исторического очерка. Первое маловероятно, так как по рапортам и письмам Крашенинникова

⁴ И. И. Огрызко писал: «До сих пор не удалось окончательно выяснить: знал Крашенинников в момент написания этих строк (исторических очерков, написанных им на Камчатке. — Н. С.) о существовании челобитных Дежнева или нет» [32, с. 40]. Между тем еще в 1939 г. А. И. Андреевым и Н. Н. Степановым было установлено, что с отписками Дежнева Крашенинников познакомился только в 1752 г. [1; 46].

Гмелину и Миллеру нам известны все камчатские труды ученого, и они все сохранились (см. [2]).

Остается второе предположение. Из копийных книг Миллера, содержавших отписку Семена Дежнева 1655 г., Крашенинников почерпнул сведения о том, что «морское их (Семена Дежнева и Федота Алексеева.— Н. С.) путешествие было неблагополучно», «торгового человека Федота Алексеева разнесло» с Семеном Дежневым «погодой без вести». Значительно позже, в 1762 г. (1653—1654 гг.), Дежнев узнал в районе Анадыря у «якуцкой бабы» Федота Алексеева, что «Федот и служилой человек Герасим померли цынгою»⁵.

Сопоставляя «словесные известия» и документальные данные, Крашенинников вынужден был признать несоответствие между ними и тот факт, что известие «в рассуждении бытности его (Федота Алексеева.— Н. С.) на Камчатке и что Никул речка Федотовщиною по имени его называется, несколько сумнительно» [24, с. 474]. Выход из противоречий между преданиями и документами Крашенинников видел в гипотезе о плавании Ф. Алексеева с Камчатки на Анадырь. «Но сия разность в известиях, кажется, отвращена быть может, ежели положить, что Федот с товарищи не на Тигиле погиб, но между Анадырем и Олюторским; ибо таким образом не противно будет известиям, когда представим себе, что он и на Камчатке зимовал с кочем своим, и вокруг Лопатки доходил до реки Тигиля, что оттуда обратно следовал к Анадырску или морем, или сухим путем по Олюторскому берегу и на пути умер, а прочие его товарищи или побиты, или безвестно пропали, хотя от убийства избавиться» [24, с. 474].

В своем труде Крашенинников использует и топонимические данные, записанные им еще во время пребывания на Камчатке. Особенно важными представляются данные о р. Камчатке и ее притоке Никул. Они укрепляют его представления о пребывании на полуострове Федота Алексеева. «Одна Камчатка река судовою почесться может: ибо она от устья в верх на двести верст или более столь глубока, что морское судно, называемое *кочь*, на котором по объявлению тамошних жителей занесены были в те места погодой российские люди еще прежде камчатского покорения, проведено было для зимованья до устья реки Никула, которая ныне по имени бывшего на объявленном коче начальника Федота, Федотовщиною называется» [24, с. 100—101].

Свидетельствует о пребывании русских на Камчатке и название речки Русаковка, о которой Крашенинников записал предание: «Чанук-кыг, которая вершинами сошлась с Палланом

⁵ Отписка С. Дежнева неоднократно публиковалась. Первая ее публикация по копии была в «Дополнениях к Актам историческим» [19]. Публикации в наше время см. [41; 42]. Публикация по подлиннику была дана в [36].

рекою... почитается в числе знатнейших рек, как по своей величине... так особливо, что тойоны, которые владеют тамошним острожком, происходят от российского поколения, чего ради и река по ним называется Русаковкою; а кто таков был, от кого род сей имеет начало, про то заподлинно неизвестно, токмо скажут, что россиане, которые в тех местах жили, спустя несколько лет после Федота кочевщика туда прибыли» [24, с. 131—132].

Как оценивается в современной науке мнение Крашенинникова о тождестве Федота-кочевщика и Федота Алексеева и его гипотеза о плавании Федота Алексеева вокруг Камчатки? Однозначной оценки нет. Есть исследователи, которые безоговорочно принимают построение Крашенинникова. Так, И. И. Огрызко в статье «Экспедиция Семена Дежнева и открытие Камчатки» пишет: «Честь открытия Камчатки принадлежит не Владимиру Атласову, а Федоту Алексееву, вступившему на камчатскую землю за 49 лет до Атласова... осенью 1648 г.» [32, с. 47]. Дополнительно к материалам Крашенинникова И. И. Огрызко привлекает новый источник — чертеж п-ова Камчатка, составленный участником экспедиции В. Атласова И. П. Козыревским и представленный им в 1726 г. В. Берингу. На чертеже обозначена речка Федотовщина и дан текст: «Зимовья два были. В прошлых годах из Якуцка города морем на кочах были на Камчатке люди, а которые у них в аманатах сидели, те камчадалы и сказывали. А в наши годы с оных стариков ясак брали. Два коча сказывали. И зимовья знать и поныне». Данному тексту И. И. Огрызко придает решающее значение, он «помогает разрешить загадку о Федоте Алексееве» [32, с. 43]⁶. Между тем этот текст не дает ничего принципиально нового по сравнению с материалами Крашенинникова, который также писал о ранних русских зимовьях на Камчатке, на р. Федотовщине.

Интересна позиция акад. Л. С. Берга. В своем капитальном труде «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга», приводя текст Крашенинникова о плавании Ф. Алексеева вокруг Курильской лопатки, он пишет: «Доходили ли на самом деле спутники Алексеева до реки Камчатки или нет, трудно сказать, но характерно, что на Камчатке сохранилось предание о походе Дежнева» [12, с. 47]. В нем же он подчеркивал, что «известие о плавании Алексеева вокруг Камчатки вплоть до р. Тигиля (на западном берегу) неправдоподобно» [12, с. 47]. Сведения об открытии Камчатки Ф. Алексеевым — «темные слухи» [12, с. 59]. Позже Л. С. Берг в статье о Дежневе согласился с И. И. Огрызко в том, что в тексте к чертежу

⁶ Чертеж опубликован им в статье «Открытие Курильских островов». Текст здесь читается несколько иначе: «И зимовье знать и доныне» [33, с. 202].

И. П. Козыревского, «очевидно, речь идет о Федоте Алексееве и его спутниках»⁷.

Параллельно с концепцией Крашенинникова истории плавания Федота Алексеева на Камчатку складывалась концепция Г. Ф. Миллера о плаваниях русских людей на ту же Камчатку, в существенных чертах отличная от первой. Вначале она была в его работе «Известия о северном морском ходе из устья Лены реки ради обретения Восточных стран» [30, с. 102]. Как установил А. И. Андреев, работа была написана в Якутске в 1736—1737 гг., источниками работы явились дела Якутского архива и «словесные сказки якутских обывателей» [4, с. 86—87].

В начале работы Миллер сообщает по документальным данным о плавании Дежнева и Алексеева. Сведения те же, что и у Крашенинникова в «Описании земли Камчатки». И это понятно: источник у обоих один и тот же — документы Якутской приказной избы. Но, переходя к сообщению «якутской бабы», которую Дежнев встретил в 1654 г. «около устья Анадыря», о судьбе Федота Алексеева, Миллер дает иную интерпретацию ее сообщения, нежели Крашенинников: «...и та баба сказала, что Федотово судно разбило близь того места, а сам он Федот, поживши там несколько времени, цынгою умер (курсив мой.— Н. С.), а таварыщи ево иные от коряков убиты, а иные в лодках неведомо куды убежали» (цит. по [20, с. 222]).

Итак, по Миллеру, Федот Алексеев не был на Камчатке, судно его выбросило близ устья Анадыря, здесь он и умер. На Камчатке же был не Федот Алексеев, а его сын. Миллер сообщает: «Сюды приличествует носящейся между жителями на Камчатке слух, которой от всякого, кто там бывал, подтверждается, а именно сказывают, что за много де лет до приезде Володимера Отласова на Камчатку жил там некто Федотов сын на реке Камчатке, на устье речки, которая и ныне по нем Федотовкою называется, и прижил де с камчадалкою детей, которые де потом у Пенжинской губы, куды они с Камчатки реки перешли, от коряков побиты. Оной Федотов сын по всему виду был сын вышепомянутого Федота Алексеева, которой по смерти отца своего, как товарищи его от коряков побиты, убежал в лодке подле берегу и поселился на реке Камчатке; и еще в 1728 году в бытность господина капитана камандора Беринга на Камчатке видны были признаки двух зимовей, в которых оной Федотов сын с своими товарищами жил» (цит. по [20, с. 222]).

Версию о Федотове сыне следует назвать якутским вариантом исторического предания о первых русских людях на Кам-

⁷ Эта работа Миллера впервые напечатана в приложениях к книге А. В. Ефимова [20, с. 219—228].

чатке. Отметим ее уязвимое звено. Откуда появился «Федотов сын», если Федот Алексеев отправился в плавание в 1648 г., а в 1653 г. его уже не было в живых. Остается предположить, что еще в 1648 г. в плавание вместе с Федотом Алексеевым отправился и его сын. В «списке предполагаемых участников морского похода С. И. Дежнева летом 1648 г.», составленном М. И. Беловым, в «группе Федота Алексеева» есть «Василий Федотов» [10, с. 327]. Не сын ли это Федота Алексеева?

Дальнейшую разработку якутская версия плавания Федотова сына получила в труде Миллера «Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных», опубликованном в 1758 г. В начале рассказа об экспедиции Дежнева говорится об организации экспедиции летом 1648 г., «начальниками были у Казаков Семен Дежнев да Герасим Анкудинов, а у промышленных Федот Алексеев» [29, с. 10]. Они «сентября 20 дня на берегу дали с Чукчами бой, на коем Федот Алексеев поранен. После сего разнесло их кочи без вести» [29, с. 12]. Позже, в 1654 г., «нашел Дежнев, проводывая морские берега, на коряцкие жилища, где увидел Якутскую бабу, которая прежде жила у Федота Алексеева. Сия баба ему сказала, что Федот Алексеев и Герасим Анкудинов померли цынгою, а другие товарищи их побиты, достальные же в малом числе убежали, неведомо куда, в лодках. Сие изыясняется найденными в последующие времена на Камчатке известиями. Ибо достальные от Федота Алексеева люди, следуя при благополучной погоде подле морских берегов к Югу, пришли наконец к реке Камчатке, на коей учредили свое жительство, и, следовательно, за первых из Русских почтены быть имеют, которые в тамошних местах поселились.

Доказательством сему то, что когда пятидесятник Володимер Атласов в 1697 году положил начало к завоеванию земли Камчатки; то Русские были уже Камчадалам известны. Причина сего знакомства объявляется Камчадалами, как следует: „Назад тому много лет жил у них некто Федотов (может быть, что сын Федота Алексеева) с товарищи при устье речки Никулы, которую потому Русские прозвали Федотовкою. Камчадалы почитали их как бы богов и не думали, чтоб человеческая рука им вредить могла. Но случилось Русским между собою поссориться, так что друг друга ранили, тогда Камчадалы, увидев кровь, из ран их текущую, догадались, что они смертные. Потом как Русские между собою разлучились и некоторые пошли на Пенжинское море, то с одной стороны Камчадалы, с другой Коряки, нападав на них, всех побии“. Речка Федотовка впадала в Камчатку реку с полуденной стороны в 180 верстах ниже Верхнего Камчатского острога. При оном видны были еще во время первой Камчатской экспедиции остатки двух зимовий, в коих русские имели жительство. Токмо

никто не мог сказать, которую дорогою те первые Русские люди на Камчатку пришли. Сие вышепоказанным образом известно учинилось не прежде, как в 1736 году, по делам Якутской архивы» [29, с. 19—21].

Этот раздел в работе Миллера не вполне ясен и дал повод к разным толкованиям. Прежде всего некоторые исследователи буквально — и тем самым неправильно — интерпретировали то место текста, где говорится о Владимире Атласове. Так, Л. С. Берг писал: «Во время похода Атласова 1697—1699 годов камчадалы *передавали ему* (курсив мой.— Н. С.), что много лет тому назад при впадении реки Никулы или Федотовки в Камчатку жил некто Федотов (может быть, сын Федота Алексеева.— Н. С.) с товарищами» [12, с. 59]. Но в «сказках» Атласова ничего этого нет [31; 23]. Приведенный отрывок, несомненно, следует понимать в том смысле, что ко *времени* похода В. Атласова «русские были уже камчадалам известны». Этот текст Миллера, как и текст его первой работы, «География и нынешнее состояние земли Камчатки», является комбинацией материалов якутского архива и «словесных известий», собранных еще в Якутии. В обоих случаях, как и в работе «Известия о северном морском ходе из устья Лены реки ради обретения Восточных стран» [30], Миллер разрабатывает версию о Федотове сыне как первом русском человеке на Камчатке: он сообщает, что Федот Алексеев умирает в районе Анадыря (по смыслу текста, подтвержденному другими сообщениями [41, с. 132].— *Фед.*), а «доставленные от Федота Алексеева люди» во главе с его сыном, «следуя при благополучной погоде подле морских берегов к югу», достигают Камчатки, где они позже погибают [29, с. 19].

Современник Крашенинникова и Миллера — Стеллер в труде «Beschreibung von dem Lande Kamtschatka» тоже коснулся вопроса о первых русских людях на Камчатке. Он не описывает плавание Федота Алексеева и его сына и не разделяет, таким образом, ни одну из версий, но делает несколько принципиальных замечаний о жизни первых русских поселенцев на Камчатке. «Достойно сожаления,— писал он,— что в архивах Камчатского приказа не найти ни малейших указаний на все то, что касается занятия страны... Поэтому в нашем распоряжении есть только то, что удалось собрать на основании сообщений старых, заслуживающих доверия людей... Достоверно известно только то, что Камчатка была открыта прибывшими с материка якутскими и анадырскими казаками... При занятии страны, однако, узнали от камчадалов, что и раньше у них были люди, явившиеся на судне из-за моря, прочно у них поселившиеся, вступившие с ними в браки и весьма мирно с ними уживавшиеся. Был туземцам знаком некий Теодорус (Teodorus), которого они называли Федькой. И до сей поры имя его сохранилось за небольшой речкой, впадающей в р. Камчатку. Остается вопрос:

откуда явился этот Федька. Не проехал ли он на каком-либо коче из Колымы мимо Чукотского мыса и не прибыл ли он сюда» [48, с. 222]. В этом сообщении Стеллера заслуживает внимания его мысль о том, что и «раньше», до «занятия» Камчатки, т. е., очевидно, до похода Атласова, были на Камчатке русские люди, «прочно поселившиеся», вступавшие в брак с местными женщинами. Текст Стеллера полностью соответствует тексту Крашенинникова о происхождении ительменских тоюнов с р. Русаковки «от русского поколения».

Скудость документальных источников о Федоте Алексееве, их противоречия с фольклорными «словесными известиями» и «слухами» явились источником не всегда точной их передачи и интерпретации. Так, М. И. Белов утверждает, что на Камчатке вместе с Федотом Алексеевым был и Герасим Анкудинов (см. [41, с. 64]), здесь, на Камчатке, они и «погибли» (см. [41, с. 94]). Между тем, по документальным данным, «Герасимко Онкудинов на Анадыре умер» [41, с. 64]. Об этом же сообщала и «якутская баба» Семену Дежневу в 1654 г. [41, с. 132]. Ряд не подтвержденных фактами утверждений допускает И. И. Огрызко в указанной выше статье. Так, он пишет: «Из всей группы Алексеева с Камчатки вернулся только один человек. Это была жена Федота Алексеева — та самая „якутская баба“, о которой говорит Дежнев» [33, с. 44, 45]. Но, во-первых, нам совершенно неизвестно, что «якутская баба» была на Камчатке; она единственный раз упоминается в донесении С. Дежнева из района Анадыря, в котором он и сообщает о смерти Ф. Алексеева. Во-вторых, в полном противоречии с утверждением, что с Камчатки «из всей группы Алексеева вернулся только один человек» — «якутская баба», И. И. Огрызко на следующей странице указывает, что «уцелевшая часть отряда бежала с Камчатки на лодках» [32, с. 45]. Столь же неосновательно заявление И. И. Огрызко, что в своем плавании вокруг Камчатки Ф. Алексеев и его люди наблюдали Курильские острова и «даже высаживались на один из них». Никаких данных об этом нет. Аргументация у И. И. Огрызко сводится к утверждениям вроде «нет никакого сомнения» и «очевидно» [33, с. 172].

Современных исследователей иногда вводит в заблуждение вольное обращение с источниками некоторых дореволюционных авторов. Так, А. В. Ефимов, редактор сборника «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии» [35], высоко оценивает статью Г. Спасского («Сибирский вестник». Ч. 15, 1821), так как, по его мнению, «те сведения о походе Дежнева, которые Спасский относит к 1654 г., представляют исключительный интерес, потому что они раскрывают нам последний этап жизни Федота Алексеева Попова»⁸.

⁸ М. И. Белов справедливо указывает, что прозвище «Попов» встречается лишь в отписке купцов Усовых. Сам Ф. Алексеев всюду себя называет

Сведения эти, очевидно, почерпнуты Спасским из каких-то архивных источников, до нас не дошедших» [20, с. 33]. Однако сопоставление текста Спасского с текстом «Описания земли Камчатки» Крашенинникова заставляет сделать вывод, что Спасский весь основной фактический материал своей статьи заимствовал из работы Крашенинникова. «Новое» же у Спасского — это произвольные предположения относительно «якутской бабы». Спасский пишет: «В некотором месте взял он (С. Дежнев.— Н. С.) женщину, принятую им за якутку. По расспросам от нее узнал, что она была женою купца Федота Алексеева [Холмогорцева] и что муж ее вместе с нею плыл на своем коче к Пенжинскому морю к разным народам для торговли, с судами других купцов, от коих случившейся погодою кочь его отшибло и занесло в Камчатку, где застигла их зима и они на речке Никуле, впадающей в Камчатку, названной после по муже ее Федотовкою, построили зимовье. По наступлении лета он обошел Курильскую лопатку и Пенжинским морем вошел в реку Тигиль; там и умер, а оставшиеся после него люди все погибли» [45, с. 40].

Здесь многое перепутано и многое добавлено от себя, чтобы как-то заполнить недостающие звенья Федотовой эпопеи. Во-первых, Федот Алексеев плыл не по Пенжинскому морю, а по Берингову. Во-вторых, произвольно утверждение, что Федот Алексеев плыл вместе с «якутской бабой» с самого начала плавания. В списке участников плавания Семена Дежнева ее нет. Нет данных и о пребывании ее на Камчатке. Произвольно и определение времен года, когда Федот Алексеев и его люди были на Камчатке («где застигла их зима») и на море («по наступлении лета»). Словом, перед нами беллетризованный рассказ, а не исторический труд, основанный на добросовестном и критическом использовании источников.

Иногда фантастические домыслы о «якутской бабе» встречаются и в современной литературе. Так, Е. А. Самойлов в работе «Семен Дежнев и его время» пишет, что Дежнев «отгромил „якутскую бабу“, ехавшую с Федотом Алексеевым на втором коче. Она рассказала Дежневу, что их коч выкинуло на берег, но где — она не знает» [42, с. 79]. В хронологической таблице плаваний Дежнева под 1654 г. читаем: «Поход летом на коряков, живущих около „корги“. Бой с ними. Дежнев отгромил у коряков „якутскую бабу“, приехавшую с Колымы вместе с Федотом Алексеевым» [42, с. 124]. Версию, что «якутская баба» ехала с Колымы на коче с Федотом Алексеевым, надо считать на совести автора. Неверно переданы и показания «якутской бабы» С. Дежневу о том, что «их коч выкинуло на берег, но где — она не знает». В документе читаем: «и та баба

«Федотом Алексеевым Холмогорцем». Так же его называют и С. Дежнев, в документы Якутской приказной избы [8, с. 163, примеч. 1].

сказывала, что де Федот и служилой человек Герасим померли цынгою, а иные товарищи побиты и остались невеликие люди и побежали в лодках с одною душою, не знаю де куда» [42, с. 140].

Недаром редактор книги М. А. Сергеев к «показаниям» «якутской бабы» сделал примечание: «достоверность „отгрома якутской бабы“ Дежневым и ее рассказа нельзя считать вполне доказанной» [42, с. 79, примеч.]. Правда, с этим можно согласиться лишь частично. Достоверность показаний С. Дежнева относительно «отгрома якутской бабы» никем не оспаривалась и вряд ли может быть оспорена. У нас нет никаких оснований не верить С. Дежневу. Другое дело — показания самой «якутской бабы». Они вызывают сомнения; тем более несерьезно что-то добавлять от себя к этим показаниям.

Большой интерес для нашей темы представляют пушкинские заметки, сделанные при чтении книги Крашенинникова «Описание земли Камчатки», особенно конспект исторической части труда, где Пушкин записывает: «Камчатские дела... § 2. Первый из русских, посетивших Камчатку, был Федот Алексеев; по его имени Никул-р[ека] называется Федотовщиною. Он пошел из устья *Колымы* Ледовитым морем в 7 кочах, занесен он был на реку Камчатку, где он и зимовал; на другое (?) лето обошел он (?) <Курильскую> лопатку, и на реке Тигиле убит от коряк.

§ 3. Служивый Семен Дежнев в отписке своей подтверждает кое с некоторыми изменениями: он показывает, что Федот, будучи разнесен с ним погодою, *выброшен на берег в передний конец за реку Анадырь*. В той отписке сказано, что с 7162 [1654] [году] ходил он возле моря в поход и отбил у коряк якутку, бывшую любовницу Федота, которая сказывала, что Федот с одним служивым умер от цынги, что товарищи его побиты, а другие спаслись в лодке и уплыли неведомо куда. Развалины зимовья на р[еке] Никуле видимы еще были в 1730 году» [40, с. 350].

Добросовестно конспектируя историческую часть труда Крашенинникова, Пушкин вместе с тем привносит в него и собственные размышления. Так, он сопровождает двумя вопросительными знаками текст о плавании Ф. Алексеева вокруг Курильской лопатки, выражая тем самым свое сомнение. Любопытно также, что «якутскую бабу», превратившуюся у некоторых историков в жену Федота Алексеева, ехавшую с ним с Колымы, Пушкин трактует как «бывшую любовницу» Ф. Алексеева, что, наверное, ближе к истине.

Как же сейчас оценивать версии Крашенинникова и Миллера о плавании Федота Алексеева или его сына на Камчатку? Многие советские историки и географы (Л. С. Берг, В. Ю. Визе, В. И. Греков, А. В. Ефимов, И. И. Огрызко и др.) принимают построение Крашенинникова [14; 16; 18; 20; 32; 33], причем не-

которые из них, например Л. С. Берг, высказали и существенные оговорки [12, с. 47].

М. И. Белов вначале отрицал плавание Ф. Алексеева на Камчатку, а позднее признал его возможность. В 1955 г., во втором издании книги «Семен Дежнев», он категорически высказался за то, что данные «предания» о плавании Ф. Алексеева «совершенно лишены основания» и что «единственное правдоподобное свидетельство о судьбе» Ф. Алексеева содержится в описке С. Дежнева. «Таким образом, бесспорно,— пишет М. И. Белов,— что Федот Алексеев потерпел кораблекрушение южнее Анадыря и что он и его спутник Герасим Анкудинов погибли в неравной борьбе с суровой природой» [7, с. 81].

А в 1965 г. в работе «Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века» М. И. Белов писал о шторме, разнесшем суда С. Дежнева и Ф. Алексеева, и дальнейшей судьбе Ф. Алексеева: «Вскоре суда разнесло в разные стороны, Дежнев потерял из виду товарищей. Как потом выяснилось, Герасим Анкудинов и Федот Алексеев с товарищами пристали к берегу Камчатки, где прожили долгое время. Как свидетельствуют документы XVIII века, в честь Федота Алексеева одна из рек Камчатки названа Федотовкой» [8, с. 165].

Наиболее детально разработан тезис о неправдоподобности версии о плавании Федота Алексеева на Камчатку в статье Б. П. Кускова «Был ли Федот Алексеев на Камчатке?» [25]. Автор указывает, что если говорить о пребывании Ф. Алексеева на р. Камчатке, то «необходимо допустить свершение ряда не очень вероятных событий», а именно: «что одна и та же буря вынесла Дежнева на берег у мыса Наварин, а Попова [Алексеева.— Н. С.] занесла в Камчатский залив; что вместо того, чтобы поспешить с устройством на зимовку, Попов и его спутники поднялись на триста километров вверх по реке; что ледостав на реке Камчатке в 1648 году был необычайно поздним; что выстроенные наспех землянки оказались настолько добротными, что простояли 60—70 лет; что аманаты Федота оказались весьма крепкими и прожили лет по 70, если не больше; что летом Попов бросил зимовье, новую жену и аманатов и, вместо того чтобы возвращаться на Анадырь, зачем-то пошел на юг; что, вопреки обычаю, реку, на которой он зимовал, называли не Алексеевой или Поповой, а Федотовой» [25, с. 99].

На первый взгляд замечания В. П. Кускова носят серьезный характер и подрывают саму мысль о возможности плавания Ф. Алексеева на Камчатку. И вместе с тем с ними нельзя согласиться. Во-первых, В. П. Кусков ставит вопрос, как могло быть, что «одна и та же буря вынесла Дежнева на берег у мыса Наварин, а Попова занесла в Камчатский залив» [25, с. 99]. Но ведь С. Дежнев писал, что «того Федота со мною, Семейкою на море рознесло без вести» [41, с. 130—131]. Во-вторых, трудно говорить о состоянии землянки на р. Федотовщине, так как,

к сожалению, ни Крашенинников, ни Козыревский не дали ее описания. Поэтому неясно, в каком она была виде в 30-х годах XVIII в. Возможно, это были уже развалины, остатки того зимовья, которое было поставлено Ф. Алексеевым. Но в том, что зимовье могло сохраниться с времен Алексева, т. е. с середины XVII в. до 30-х годов XVIII в., хотя и в поврежденном виде, нет ничего невозможного. Ведь сам В. П. Кусков выдвигает, причем в этой же статье (!), идею организации «небольшой экспедиции» на р. Никул [Федотовщину] «с целью отыскания уцелевших следов зимовий» [25, с. 99—100], т. е. он считает возможным сохранение следов старинных зимовий XVII—XVIII вв. вплоть до нашего времени. Подобное предположение В. П. Кускова следует приветствовать и всячески поддерживать. В-третьих, В. П. Кусков считает невозможным, чтобы Ф. Алексеев и его товарищи сразу «поднялись на 300 километров вверх по реке», «вместо того чтобы поспешить с устройством на зимовку». Но ведь предание не дает нам календарных сроков движения Ф. Алексева на Камчатку, в частности по р. Камчатке. Возможно, на этом пути в 300 километров были и остановки, были и зимовки, уже не сохранившиеся к 30-м годам XVIII в. И, наконец, в-четвертых, какой был ледостав на р. Камчатке в 1648 г., способствовал ли он движению группы Федотова или нет,— на эту тему совершенно бесполезно гадать; данных у нас пока нет.

Особого внимания заслуживает замечание относительно того, что, «вопреки обычаю, реку, на которой он зимовал, назвали не Алексеевой или Поповой, а Федотовой», и поясняет, что «в XVII—XVIII вв. географические названия, связанные с русскими людьми, давались только по отчеству или по фамилиям — прозвищам, но отнюдь не по именам. Этот обычай сохранился среди коренных жителей Камчатки и поныне» [25, с. 96]. Но автор тут же дает, в сущности говоря, разрешение этой загадки. Он указывает, что еще Миллер связывал р. Федотовку не с Федотом Алексеевым, а с его сыном, и считает возможным видеть сына Федота Алексева в «своеужиннике Ваське Федотове» [25, с. 96], отмеченном в таможенных книгах как спутник Ф. Алексева. Со всем этим можно только **согласиться**.

И здесь мы возвращаемся вновь к версии Миллера. Версия Миллера не обсуждалась в нашей литературе. И это вполне понятно. Одна из статей Миллера появилась в издании XVIII в. и с тех пор не перепечатывалась [29]. Вторая его статья лишь недавно — в 1948 г. — появилась в печати как приложение к работе А. В. Ефимова [20, с. 219—228].

Между тем, оценивая версии Крашенинникова и Миллера, следует признать, что вторая более реалистична. По Крашенинникову, Федот Алексеев проплывает из Берингова моря мимо восточного берега Камчатки, заходит в р. Камчатку, огибает Курильскую лопатку, плывет вдоль западного побережья Кам-

чатки до р. Тагиля, живет какое-то время здесь и затем опять плывет по Пенжинскому морю, высаживаясь в районе Анадыря, где и умирает от цинги. Все это слишком сложно и не всегда подтверждается источниками.

Версия Миллера проще. Сын погибшего на Анадыре Федота Алексеева плывет к югу и достигает п-ова Камчатка; здесь он поселяется на берегу одноименной реки, здесь и умирает. Возможно, находки новых документов или материальных свидетельств прольют свет на этот «загадочный», по выражению некоторых историков, вопрос [38, с. 130]. А что такие находки возможны, показывает публикация Б. П. Полевым материалов о посещении Камчатки казаком Иваном Рубцом в 60-х годах XVII в. [38]. В этой публикации устанавливается факт похода анадырского приказчика Ивана Меркурьевича Рубца «вверх реки Камчатки». Поход был совершен не ранее лета 1662 г. и не позже 1667—1668 гг. Рубец был на «погроме» и привез с собой «коряцкого малого», который показал, что он «неясашного отца сын, а взял де ево Ивашко Рубец на погроме с казаками на реке Камчатке» [38, с. 130—131]. После этого похода был организован летом 1669 г. новый поход, закончившийся неудачно. Почти все его участники погибли летом 1670 г. на р. Омолон [38, с. 133].

При оценке версий Крашенинникова или Миллера следует учесть еще одно обстоятельство, ускользнувшее от внимания современных исследователей. М. В. Ломоносов, много работавший над изучением русских плаваний по Северному Ледовитому и Тихому океанам и написавший специальную работу «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможности проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» [27], касаясь экспедиции С. Дежнева, предпочел версию Миллера. Он писал: «Около реки Олюторки Федот Алексеев и Герасим Анкудинов в Коряцких жилищах пристали к берегу, на коем, несколько пожив, померли цынгою. Многие из товарищей их побиты, достальные в малом числе убежали в лодках на Камчатку, и первые из россиян в сей земле поселились задолго до приходу пятисотника Володимера Атласова» [27, с. 449]. У Ломоносова нет ни слова о плавании Федота Алексеева вокруг п-ова Камчатка, он умирает от цинги около р. Олюторки, и только его спутники достигают р. Камчатки, но и они погибают здесь. Следует подчеркнуть, что Ломоносов предпочел версию Миллера, хотя он был идейным противником Миллера по многим вопросам русской истории.

Противоречивость данных, которые можно извлечь из «словесных известий» и исторических документов о Федоте Алексееве и его спутниках, породила стремление попытаться найти разрешение проблемы вне уже известных версий и толкований. Такова гипотеза Б. П. Полевого о Федоте Алексееве Чюкичеве, убитом либо в 1660, либо в 1661 г., во время сбора ясака к югу

от р. Пенжины. В нем и его группе Б. П. Полевой видит первых русских на Камчатке и к этому отряду относит рассказы ительменов о русских, которые обычно относят к Ф. Алексееву и его товарищам. Но, по словам автора, «эти данные (о Чюкичеве.— *Н. С.*) нуждаются в тщательном изучении, так как в рассказах ительменов могли найти отражение и сведения, относящиеся к другим группам русских, побывавших на Камчатке до Атласова» [39, с. 107]. С этим можно согласиться. Следует также прибавить, что неясным является и сам факт пребывания Чюкичева на Камчатке. Известно лишь, что он был убит к югу от р. Пенжины, но где точно — сведений нет; тем более нет никаких данных о посещении им р. Камчатки.

В эти же, 1660-е годы сведения о Камчатке стали известны и в столице тогдашней Сибири — Тобольске. В 1667—1668 гг. тобольский воевода Петр Годунов на карте Сибири нанес р. Камчатку [11, с. 3]. В 80-е годы был совершен ряд походов в «Коряцкую землю» с Анадыря и с Охотского побережья. «Коряцкая земля», т. е. территория, занятая коряками, охватывала в это время и северную часть Камчатки. Вполне вероятно, что русские казаки в своих походах проникали и на Камчатку. Вполне можно согласиться с М. И. Беловым, который писал, что «есть основания полагать», что к 80-м годам «небольшие группы казаков проникли на Камчатский полуостров» [9, с. 98].

Напомним, что и Крашенинников в появлении русских на Камчатке также усматривал несколько потоков. Так, согласно преданию, записанному на Камчатке, «россияне, которые в тех местах (на р. Русаковке.— *Н. С.*) жили, спустя несколько лет после Федота кочевщика туда прибыли» [24, с. 132]. К 1690 г. относится заговор казаков в Якутске, целью которого являлось убить якутского воеводу П. П. Зиновьева, «на гостином дворе торговых и промышленных людей животы пограбить и бежать за Нос на Анадырь и на Камчатку реку». Во главе заговора стояли сын боярский М. Онтипин и пятидесятники Ф. Щербаков и И. Паломошной. В заговоре участвовали еще десять человек [35, с. 475—476].

Какие побуждения двигали казачью вольницу на Камчатку? С. П. Крашенинников, записав исторические предания о первых русских людях на Камчатке, отметил и предания о вольной казачьей жизни на Камчатке, где было далеко от вмешательства и самоуправства воевод. Недаром здесь сложилась пословица: «На Камчатке можно прожить семь лет, что ни сделаешь, а семь де лет прожить, кому бог велит» [24, с. 484]. Здесь были почти безграничные возможности в получении ценной пушнины, добыча которой заметно уменьшалась в Якутии, да и то, что удавалось добыть, уходило в ясачные сборы. С. П. Крашенинников сообщает, что даже в начале XVIII в. у В. Атласова, когда его посадили в тюрьму, отобрали 30 соболей и 34 соболя, т. е. 1234 соболя, 400 лисиц красных, 14 ли-

сиц сиводущатых, 75 бобров морских [24, с. 480]. В рукописи «Описания земли Камчатки» еще дополнительно значилось, но не было включено в окончательный текст: «Да сверх оной мяхкой рухляди взято у него шуба соболя пластинная под чешуйчатым лазоревым байбереком, пушена хвосты соболя, две шубы соболя пластинные под лимонною камкою, пушены бобором...»; дальше следует еще ряд строчек с перечислением пушнины, и этот перечень заканчивается строкой: «такое богатство нажил он, быв на приказе менее полугода» [24, с. 480—481]. Атласов не являлся исключением. У Петриловского было взято «кроме многого числа соболяных и лисьих шуб, одной мяхкой рухляди более 140 сороков соболей, около 2000 лисиц, 207 бобров да 169 выдер» [24, с. 490].

На конец 1680-х и 1690-х годов приходится ряд походов на Камчатку. М. И. Белов насчитал четыре похода до похода Атласова: первый между 1686 и 1689 гг., затем в 1691—1692, 1693—1694 и 1695—1696 гг. [10, с. 29—30]⁹. Походы Луки Морозко и Ивана Голыгина в 1691—1692 гг.¹⁰ и Владимира Атласова в 1697—1699 гг. дают нам первые описания Камчатки и ее населения.

Поход Атласова — «Камчатского Ермака», как его назвал А. С. Пушкин [40, с. 357], — завершил эпопею первооткрытия и первоописания Камчатки Федотом Алексеевым или его сыном еще в конце 40-х годов XVII в.

Литература

1. Андреев А. И. Жизнь и научные труды С. П. Крашенинникова. — «Советский Север». Л., 1939, № 2.
2. Андреев А. И. Список научных трудов С. П. Крашенинникова. — «Советский Север». Л., 1939, № 2.
3. Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Выпуск первый. XVII век. М. — Л., 1960.
4. Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Выпуск второй. XVIII век (первая половина). М. — Л., 1965.
- 4а. Архив Академии наук СССР.
5. Баскин С. И. Большой чертеж «Камчадальской земли». — «Известия Всесоюзного географического общества» (далее — ИВГО). 1949.
6. Белов М. И. Семен Дежнев. М., 1948.
7. Белов М. И. Семен Дежнев. Изд. 2-е. М., 1955.

⁹ Непонятным остается сообщение Г. Майделя о походе казака Царицына в 1690 г. в Камчатку. В труде «Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 гг.» Г. Майдель сообщает, что ему удалось установить по данным «старых архивных свитков», что в 1690 г. на Камчатку отправился казак Царицын [28, с. 528]. Известие Г. Майделя повторили Н. В. Слюнин [44, с. 16] и В. И. Греков [18, с. 8]. Однако во всех публикациях документов XVII в., включая две последние, опубликованные в 1951 и 1952 гг. [35; 41], нам не встретилась фамилия Царицын. Вопрос об этой экспедиции остается открытым.

¹⁰ Запись участника похода Л. Морозко опубликовал М. И. Белов [10, с. 34—35]. Публикации «сказок» В. Атласова см. [23; 31].

8. Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века (серия «История открытия и освоения Северного морского пути». Т. 1). М., 1956.
9. Белов М. И. Новые данные о судьбах Владимира Атласова и первых походах русских на Камчатке.— «Летопись Севера». II. М., 1957.
10. Белов М. И. Русские походы на Камчатке до Атласова.— ИВГО. 1957, № 1.
11. Берг Л. С. Первые карты Камчатки.— ИВГО. 1943, № 4.
12. Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.— Л., 1946.
13. Берг Л. С. Путешествие акад. С. П. Крашенинникова по Камчатке (1737—1741).— «Природа». 1948, № 5.
14. Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий. М.— Л., 1949.
15. Бомштейн Г. Фольклорные материалы в работе С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки».— «Советская этнография». 1950, № 2.
16. Визе В. Ю. Русские полярные мореходы из промышленных, торговых и служивых людей XVII—XIX вв.— Биографический словарь. М.— Л., 1948.
17. Визе В. Ю. Семен Дежнев.— ИВГО. 1948, № 6.
18. Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960.
19. Дополнения к Актам историческим. Т. IV. СПб., 1851.
20. Ефимов А. В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1948.
21. Каманн Л. Г. Первые исследователи Дальнего Востока. М., 1951.
22. Кириллов И. Цветущее состояние Всероссийского государства. Ч. I—II. М., 1831.
23. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке. Сборник архивных материалов под ред. Я. П. Алькора и А. К. Дрезена. Л., 1935.
24. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.— Л., 1949.
25. Кусков В. П. Был ли Федот Алексеев на Камчатке?— «Вопросы географии Камчатки». Вып. IV. Петропавловск-Камчатский, 1966.
26. Кусков В. П. Краткий топонимический словарь Камчатской области. Петропавловск-Камчатский, 1967.
27. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.— Л., 1952.
28. Майдель Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 гг. Т. 1. СПб., 1884.
29. Миллер Г. Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с Российской стороны учиненных.— «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие». СПб., 1758.
30. Миллер Г. Ф. Известия о северном морском ходе из устья Лены-реки ради обретения Восточных стран.— Ефимов А. В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1948.
31. Оглобин Н. Н. Две «сказки» Вл. Атласова об открытии Камчатки.— «Чтения в Московском обществе истории и древностей российских». Кн. 3, 1891.
32. Огрызко И. И. Экспедиция Семена Дежнева и открытие Камчатки.— «Вестник Ленинградского университета». 1948, № 12.
33. Огрызко И. И. Открытие Курильских островов.— «Ученые записки Ленинградского государственного университета». Л., 1953, № 157.
34. Окунь С. Б. Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л., 1935.
35. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. Сборник документов. Составлен Н. С. Орловой. Под ред. А. В. Ефимова. М., 1951.
36. Отписка Семена Дежнева якутскому воеводе Ивану Павловичу Акинфиеву о морском походе его с устья р. Колымы до устья р. Анадыря (апрель 1655 г.). Публикация Г. А. Князева и Б. А. Милькевича. Примечания Л. С. Берга.— ИВГО. 1948, № 6.

37. Полевой Б. П. О печатном чертеже Сибири 1667 г.— «Сибирский географический сборник». Вып. 2, 1963.
38. Полевой Б. П. Забытый поход И. М. Рубца на Камчатку.— «Известия АН СССР. Серия географических наук». 1964, № 4.
39. Полевой Б. П. О происхождении названия «Камчатка».— Кусков В. П. Краткий топонимический словарь Камчатской области. Петропавловск-Камчатский, 1967.
40. Пушкин А. С. Заметки при чтении «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова.— А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. X. М., 1938.
41. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сборник документов. Составил М. И. Белов. Л.— М., 1952.
42. Самойлов Е. А. Семен Дежнев и его время. М., 1945.
43. Сгибнев А. Исторический очерк главнейших событий на Камчатке.— «Морской сборник». Т. CI, № 4. СПб., 1869.
44. Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. СПб., 1900.
45. Спасский Г. История появления Россиян из рек Сибирского края в Ледовитое море.— «Сибирский вестник». Ч. 15. СПб., 1821.
46. Степанов Н. Н. С. П. Крашенинников как историк Камчатки.— «Советский Север». Л., 1939, № 2.
47. Степанов Н. Н. Степан Петрович Крашенинников и его труд «Описание земли Камчатки».— Вводная статья в кн. С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки... М.— Л., 1949.
48. Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Frankfurt und Leipzig. 1774.